

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тата Шу

ТОЧКА
ОТСЧЁТА

Тата Шу

Точка отсчёта

<https://litres.ru/74492898>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её жизнь расписана по минутам: престижная московская школа, перспективный жених из мира дипломатии и блестящее будущее. Путь предрешён, пока в подмосковном посёлке она не встречает курсанта — дерзкого, свободного из совершенно другого мира.

Одно безумное жаркое лето переворачивает её жизнь, оставляя тайну, которая изменит судьбы обоих навсегда.

Годы идут, строятся новые жизни, но прошлое не отпускает. Случайная встреча в эпицентре военных событий столкнёт их снова. Что важнее: долг, гордость или любовь, способная преодолеть время и расстояния?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	11
Глава 3.	18
Глава 4.	24
Глава 5.	29
Глава 6.	33
Глава 7.	38
Глава 8.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Точка отсчёта

Глава 1.

Ангелина села за парту ровно за минуту до звонка. Рюкзак на пол, тетрадка по английскому на стол, ручка — в зубы. Она всегда так делала: быстрые, точные движения, без лишней суеты. Одноклассники уже привыкли. Учителя — тем более.

Через проход, сидел Марк Быстров. И смотрел. Всегда смотрел. С восьмого класса. Иногда она ловила его взгляд и делала вид, что не замечает. Иногда — улыбалась краешком губ. Этого хватало, чтобы он краснел.

- Усачёва, Быстров, не отвлекайтесь, — говорила Мария Петровна, английская королева их класса. — До экзаменов осталось две недели.

Ангелина послушно опускала глаза в тетрадь. Марк выпрямлялся, делал вид, что усердно пишет. Через минуту всё повторялось.

Они учились в лучшей московской школе с углублённым изучением английского. Золотая молодёжь — дети дипломатов, переводчиков, сотрудников МИДа. Их судьба казалась предрешённой: лучшая пара, общие планы на МГИМО, совместное будущее. Все это видели. Даже они сами.

- Ты куда после экзаменов? — спросил Марк, когда они шли по коридору после последней контрольной.

- С бабушкой и дедом в подмосковный посёлок. Готовиться к поступлению. Там тихо, никто не отвлекает. — Она поправила лямку рюкзака. — А ты?

- В Москве остаюсь. С родителями. Буду зубрить. — Он помолчал. — Как и договаривались.

- Как и договаривались, — повторила она.

Он хотел взять её за руку. Она заметила это, но не протянула свою. Не потому, что не хотела. Просто не время. И не место. В школе они были просто «отличниками Усачёвой и Быстровым». Никаких нежностей.

- Ангелина, — сказал он тихо, когда они остановились у крыльца.

- М?

- На выпускном... я хочу сказать тебе кое-что. Важное.

Она подняла на него глаза. Голубые, ясные, с лёгкой усмешкой.

- Ты меня пугаешь, Быстров.

- Бойся, — он улыбнулся. — Бойся сильнее.

Выпускной гремел во всю. Школа, которую они ненавидели и любили одновременно, вдруг стала чужой — нарядной, украшенной шарами, пахнущей духами и шампанским. Мальчики в костюмах, девочки в платьях, учителя с мокрыми глазами.

Ангелина была в длинном платье цвета утреннего неба — мама привезла из Парижа. Волосы распущены, на губах — блеск, на щеках — лёгкий румянец. Она стояла у окна, держала бокал с соком и смотрела, как одноклассники танцуют последний школьный вальс.

- Ты самая красивая, — сказал Марк, подходя сзади.

- Лъстец.

- Реалист.

Он взял её бокал, поставил на подоконник. Взял её руку.

- Пойдём.

- Куда?

- Туда, где нас никто не увидит.

Они вышли через запасной выход, где когда-то курили старшеклассники, а теперь было темно и пахло акацией. Школьный двор опустел — все были внутри. Только фонарь вдалеке и звёзды.

- Я тебя люблю, — сказал Марк. Просто. Без пафоса. Так, будто говорил это каждый день.

- Я знаю, — ответила Ангелина.

- А ты?

Она помолчала. Потом взяла его лицо в ладони и поцеловала. Первый раз. Вкус помады, чуть сладкий, его дыхание — сбитое, горячее. Он обнял её за талию, прижал к себе. Сердце колотилось так, что, казалось, было слышно на всю округу.

- Это «да»? — спросил он, отстранившись.

- Это «посмотрим», — ответила она.

Он рассмеялся. Счастливый. Глупый.

Первый раз случился через три дня после выпускного.

Родители Марка уехали на дачу. Он остался один в огромной квартире в центре Москвы. Позвонил Ангелине.

- Приходи. Посидим. Фильм посмотрим.

- Ты и фильм? — усмехнулась она в трубку. — Быстров, ты что-то задумал.

- Ничего я не задумал. Просто не хочу быть один.

Она пришла в простых джинсах и свитере — без макияжа, без платья, другая. Домашняя. И это почему-то завело его сильнее, чем любое вечернее платье.

Они сидели на диване, смотрели старый фильм, который не видели, и пили чай с печеньем. А потом он поцеловал её. Не так, как на выпускном. Жадно. Требовательно. И она ответила.

- Ты уверен? — спросила она, когда его рука скользнула под свитер.

- А ты?

Она не ответила. Потянулась к пряжке его ремня.

Всё случилось быстро. Неловко. Ей было больно. Она закусил губу, чтобы не вскрикнуть, и уставилась в потолок. Марк ничего не заметил — или сделал вид. Он тяжело дышал, потом замер, поцеловал её в плечо и прошептал:

- Прости... я не хотел делать больно.

- Ничего, — ответила она тихо.

Она лежала на диване, укрытая пледом, и смотрела на люстру. Внутри всё саднило. И было странное, липкое чувство — будто она переступила какую-то черту, за которой уже не будет прежней.

- Ты любишь меня? — спросил он.

- Люблю, — ответила она.

Она хотела верить. И почти поверила.

Позади были выпускные экзамены. Ещё весной родители купили загородный домик — в тихом месте, в паре часов от Москвы. Наступивший новый век, продолжал лихорадить страну. Как ни странно, но на финансовом положении семьи Усачёвых это не отразилось. Отец Ангелины, чтобы деньги не обесценивались, решил их вложить в недвижимость. И Геля уехала в подмосковный посёлок. Туда же приехали бабушка с дедом — дышать свежим воздухом, наблюдать за внучкой.

- Готовься, дочка, — сказала мать на прощание. — Марк будет звонить. Не отвлекайся.

- Не буду, — пообещала Ангелина.

Она сидела на веранде, слушала, как шумят сосны, и перелистывала учебник по английскому. Марк звонил или писал каждый день. Длинные сообщения, полные надежд и планов. Она отвечала коротко: «Целую», «Скучаю», «Жди». Ей казалось, что она действительно скучает. Или казалось, что должна.

А потом в посёлок приехал ОН. Сосед. Курсант.

Высокий. Широкоплечий. Тёмные волосы, серые глаза с прищуром. Военная выправка. Он шёл по центральной улице, и все девчонки сворачивали шеи.

Демид Малыгин. После четвёртого курса военного-морского института. Приехал к деду с бабушкой на летние каникулы.

Ангелина увидела его в местном клубе — единственном месте, где можно было танцевать под музыку и пить лимонад. Туда она пришла с новой, очень бойкой подружкой Светой, которая тут же упорхнула танцевать. Он стоял у стены, лениво потягивал кока-колу и разглядывал зал. Его взгляд скользнул по ней — и остановился.

Она почувствовала этот взгляд кожей. Медленно, с достоинством, поднялась и пошла к выходу. Не оборачиваясь.

Он догнал её на крыльце.

- Эй, красавица.

- Не «эй», — она повернулась. — Меня зовут Ангелина.

- А меня Демид, — он усмехнулся. — Красивое имя. Небесное.

- Уходи, — сказала она без злости. — Я занята.

- Чем?

- Готовлюсь к экзаменам.

- По ночам?

- По ночам я сплю.

Он смотрел на неё — нагло, уверенно, как смотрит па-

рень, который знает себе цену. Который привык, что девушки сами вешаются на шею.

- А поспать ты можешь и днём, — сказал он. — А ночью — жить.

- Ты всегда такой навязчивый?

- Только с красивыми.

Ангелина усмехнулась. И пошла домой, чувствуя его взгляд на своей спине до самого поворота.

Июль обещал быть жарким.

Глава 2.

Он появился на следующий день.

Ангелина сидела на веранде с учебником, когда за калиткой хлопнула дверца машины. Она подняла голову — и увидела его. Демид шёл по дорожке, в одной футболке, джинсах, кедах. Без козырька, без формы — совсем другой. И всё равно — взгляд цеплялся.

- Ты чего припёрся? — спросила она, отложив книгу.

- Соскучился, — он уселся на перила, свесил длинные ноги. — Ты вчера убежала, не попрощавшись.

- Я с тобой не здоровалась.

- Это поправимо. Привет!

Он улыбнулся. Нагло. Уверенно. Ангелина закатила глаза, но губы сами предательски дрогнули.

- У тебя дел нет?

- Отпуск.

- А у меня — экзамены.

- Экзамены будут в августе, — он кивнул на учебник. — А сейчас — только начало июля. Самое дурацкое время для учёбы.

- Ты, наверное, в школе двоечником был.

- Тройки. По поведению — кол.

Она фыркнула. Он рассмеялся — открыто, громко. И этот

смех был заразительным. Ангелина поймала себя на том, что улыбаётся в ответ.

- Вечером в клубе будут танцы, — сказал Демид, спрыгивая с перил. — Приходи.

- Я не танцую.

- Научим.

Он ушёл, не дожидаясь ответа. Ангелина смотрела ему вслед, пока он не скрылся. Потом перевела взгляд на учебник. И поняла, что не помнит ни строчки.

Она пришла. Всё-таки пришла.

В клубе было душно, пахло дешёвыми духами и попкорном. Музыка гремела так, что вибрировало в груди. Ангелина стояла у стены, сжимая в руке стакан лимонада, и чувствовала себя лишней. Демид заметил её сразу. Вынырнул из толпы, взял за руку.

- Боялась?

- Ничего я не боялась.

- Врёшь.

Он потянул её в круг. Она упиралась, смеялась, пыталась вырваться — но он держал крепко. А потом вдруг отпустил и закружился сам, легко, почти профессионально. Ангелина смотрела, забыв дышать. На его плечи, на руки, на то, как двигается тело под футболкой.

- Танцуй, — сказал он, останавливаясь.

- Не умею.

- Я рядом.

Он обнял её за талию, притянул к себе. Она вцепилась в его плечи — от неожиданности, от того, что сердце ухнуло вниз. Музыка стала другой, медленной. Они качались в такт и Ангелина чувствовала его дыхание на своей шее.

- У тебя глаза как небо, — сказал он тихо.

- Мне не нравятся.

- А мне нравится.

Он не поцеловал её тогда. Просто водил пальцем по спине, по краю футболки, и смотрел. Ждал. Как будто знал, что она сама сделает шаг.

Она сделала. Прижалась к нему ближе и задрожала.

На следующий день они встретились тайно. Днём — в лесу, за посёлком, где никто не ходил. Вечером — на старом мосту, под которым журчала река. Ночью — он ждал её у калитки, когда бабушка с дедом уже спали. Ангелина наврала Марку, что ложится рано. Написала «Спокойной ночи, люблю» — и бежала к Демиду.

С ним было легко. Опасно. Как ходить по канату без страховки. Он не спрашивал про МГИМО, не строил планов на будущее, не говорил о любви. Он просто был. Брал её за руку, когда она молчала. Смеялся, когда она злилась. Смотрел так, что внутри всё переворачивалось.

- Ты когда-нибудь влюблялся? — спросила она, сидя на мосту и глядя в воду.

- Не помню, — ответил он.

- Врёшь.

- Может быть.

Он взял её лицо в ладони, посмотрел в глаза. Серьёзно, без улыбки.

- А ты?

- Не знаю, — ответила она. — Кажется, да.

Он поцеловал её впервые. Не как Марк — жадно, требовательно. А медленно, пробуя на вкус, запоминая. Ангелина закрыла глаза и поняла: то, что было с Марком — не любовь. Или любовь, но не такая.

Первая близость случилась на сеновале.

Дед Демида держал несколько кроликов, сено возили на зиму. Сарай стоял на отшибе, за огородом, куда никто не заглядывал.

- Ты уверена? — спросил он, расстилая старый плед.

- А ты?

Она не боялась. С Марком было больно и неловко. С Демидом почему-то казалось, что будет по-другому.

Так и оказалось.

Он был терпеливым. Смотрел на неё, гладил по лицу, шептал «тихо-тихо», когда она замирала. Его пальцы скользнули ниже, нашли то место, о котором она сама ещё толком не знала, и начали ласкать — нежно, уверенно, не торопясь. Ангелина выгнулась, вцепилась в его плечи. Она не знала, что тело может так отзываться. Не знала, что низ живота может наливаться тяжестью, а дыхание — сбиваться до хрипа.

- Смотри на меня, — сказал он.

Она открыла глаза. Он смотрел на неё — и это довершало всё.

Оргазм накрыл её внезапно. Она не поняла, что это, пока не забилась, не вскрикнула, не вцепилась в него ногтями. Её трясло, внутри всё сжималось и пульсировало, а он держал, не отпускал, гладил по спине, по волосам.

- Вот так, — шептал он. — Вот так, девочка моя.

Она пришла в себя не сразу. Лежала, тяжело дыша, и не верила, что такое бывает. С Марком ничего подобного не было. С Марком она просто терпела.

- Ты как? — спросил он.

- Я... не знаю. Что это было?

- Оргазм, — усмехнулся он. — Ты никогда не кончала?

- Нет.

Он поцеловал её в лоб, потом в губы. И вошёл в неё — медленно, осторожно. Он был твёрдым, горячим, большим. Она почувствовала боль — не такую, как в первый раз с Марком, слабее, терпимее. И снова — его руки, его дыхание, его шёпот.

- Моя.

- Твоя.

Он двигался плавно, глубоко, смотрел на неё не отрываясь. А когда почувствовал, что близок, вышел. Рвано, резко. Она удивилась, открыла глаза.

- Что ты...

Он не ответил. Схватил свой член в руку, несколько быстрых движений — и кончил ей на живот. Горячие капли упали на кожу, Ангелина вздрогнула. Он тяжело дышал, смотрел на неё, на белые следы, на то, как они медленно стекают вниз.

- Зачем? — спросила она.

- Чтобы ты не боялась, — ответил он. — Что залетела.

Она промолчала. Потом взяла его руку, прижала к своей груди.

- Спасибо.

- Не за что, — он улыбнулся — впервые за вечер. — Ты меня благодарить не должна.

Потом они лежали на сене, укрытые пледом. Он гладил её по волосам, водил пальцем по животу, собирая своё семя, по бёдрам, по ягодицам и она не отстранялась.

- Я у тебя не первый? — спросил он вдруг.

Ангелина замерла.

- А я у тебя? — ответила вопросом на вопрос.

- Нет, — честно сказал он. — Но... у тебя же был кто-то до меня?

Она молчала. Внутри похолодело.

- Да, — выдохнула она. — Это было... один раз. После выпускного.

Он убрал руку. Приподнялся на локте, посмотрел на неё. В глазах — удивление и что-то ещё. То, чего она раньше не

видела. Разочарование.

- Зачем ты мне сказала?

- Ты спросил.

Он отвернулся. Лежал на спине, смотрел в потолок. Молчал долго. Так долго, что Ангелина начала бояться.

- Демид...

- Всё нормально, — перебил он. — Давай одеваться. Тебя могут хватиться.

Она вернулась домой, села на веранду и уставилась в одну точку. Бабушка спросила, что случилось. Ангелина улыбнулась.

- Ничего, ба. Просто устала. Натанцевалась.

Глава 3.

Дом деда стоял на пригорке, в конце тихой улицы. Кирпичный, основательный, с кованой калиткой и двумя небольшими колоннами перед входной дверью — бывший хозяин, какой-то партийный начальник, любил сталинский ампи́р. Продал дом практически за копейки, в потрёпанном состоянии. Капитан первого ранга Малыгин выкупил его ещё в восьмидесятых. Восстановил. И ни разу не пожалел.

Демид любил этот дом. Любил запах старого дерева и морской соли, которой дед пересыпал обувь в шкафу. Любил строгого, но справедливого деда, который не сюсюкал, но всегда был рядом. Здесь он рос — бегал босиком по траве, дрался с местными пацанами, учился плавать в речке. Здесь решил, что будет морпехом. Вопреки отцу, который хотел для сына «нормальной» гражданской жизни.

- Дурак ты, Дёма, — сказал отец, когда узнал. — Военных сейчас не любят. Денег нет, перспектив нет. Иди в бизнес.

- Я в деда, — ответил Демид. — А дед — военный моряк. И ничего, не пропал.

Отец махнул рукой. Мать заплакала. Дед промолчал, но глаза его блестели.

Демид приехал в посёлок после одного дня в Москве — душной, шумной, чужой. Родители жили в тесной двушке

на юго-западе, вечно спешили, вечно экономили. Он сбежал оттуда с облегчением. Здесь, у деда, дышалось иначе. Свободнее.

Бабушка встретила его на пороге, поцеловала в обе щеки, окинула цепким взглядом.

- Худой. В столовой не кормят?

- Кормят, бабуль. Нормально кормят.

- Худой, — повторила она и ушла на кухню — греть борщ.

За ужином она выложила новости. Про кого-то из соседей, у кого корова отелилась. Про молодых, которые купили участок на краю посёлка. Про новых русских. И про новых соседей.

- Дёма, а у нас новые соседи, — сказала бабушка, наливая ему вторую тарелку. — Ты смотри, там у них девочка красивая. Не балуй.

- Бабуль, я уже не мальчик. Понимаю.

- Знаю я тебя, не мальчик. — Она покачала головой. — Родители у неё в МИДе работают. Серьёзные люди. Её жизнь уже по полочкам разложили.

- Откуда у тебя такая информация? — усмехнулся Демид.

- Ну, мы по-соседски с её бабушкой и дедушкой познакомились. Екатерина Алексеевна и Пётр Фёдорович, хоть и были большими начальниками, нормальные люди, не заносчивые. Чай вместе пьём.

- А девочку как зовут?

- Ангелина. Красивое имя. И внешностью Бог не обидел.

— Бабушка прищурилась. — Ты только не вздумай. Понял?
- Понял, бабуль, — ответил Демид и уткнулся в тарелку.
Бабушка посмотрела на него и обратилась к деду:

- Старый, а ты чего молчишь? Скажи ему.

Дед крикнул и выдал свой вердикт:

- Я скажу. Сам разберётся. Не маленький. Будущий офицер. Своим котелком сам должен варить, без подсказок.

И принялся хлебать борщ дальше.

Демид не планировал. Честно.

На следующий день пошёл в клуб — встретиться с друзьями детства, которых не видел год. Парни хлопали по плечу, травили байки, пили пиво из горла. Демид пил лимонад — завтра намечался заплыв через реку, и он хотел быть в форме.

А потом он увидел её.

Ангелина сидела за столиком у окна, рядом с какой-то бойкой девчонкой в короткой юбке, которая упорхнула танцевать. Русые волосы распущены, голубые глаза с лёгкой усмешкой. Простое светлое платье, босоножки. Ничего особенного.

Но его словно магнитом потянуло.

Кровь горячая, тестостерон из ушей прёт, а она — манкая. Такая манкая, что аж зубы сводит. Не было с ним такого никогда. Он не мог отвести взгляд. Она почувствовала, подняла голову, посмотрела спокойно, с достоинством. И встала.

- Эй, красавица.

- Не «эй», — она повернулась. — Меня зовут Ангелина. Он знал. Но сделал вид, что услышал впервые.

Она ушла. Он догнал. Она отшла. Он не отстал.

И ведь знал, что не надо трогать. Бабушка предупреждала. Сам понимал: такая девушка — не для его мира. У неё жизнь по полочкам: МГИМО, диплом, карьера, муж из своей среды. А он — курсант, без гроша за душой, с одним только упрямством.

Но удержаться не смог.

Она пришла в клуб на следующий вечер. И он снова увёл её танцевать. А потом они гуляли вдоль реки, и она смеялась его шуткам, и он держал её за руку, и всё шло к тому, что будет.

- Ты опасный, — сказала она, когда он провожал её до калитки.

- Почему?

- Потому что я не могу тебе отказать.

Это была правда. И для него — тоже.

Она говорила, что в клуб на танцы. Он врал своим, что уходит к друзьям. Она врала своим, что рано ложится.

На второй раз он пришёл подготовленным. В кармане джинсов лежала упаковка презервативов — купил в местной аптеке, не глядя на фармацевтку.

- Не бойся, — сказал он, когда она спросила, зачем они. — Я о тебе забочусь.

- А о себе?

- И о себе я сам позабочусь.

На сеновале было душно, пахло сухой травой и пылью. Он расстелил плед, помог ей забраться. Долго целовал — шею, ключицы, плечи. Раздевал медленно, смакуя. Она дрожала под его руками, но не отстранялась.

- Тебе нравится? — спросил он.

- Да, — выдохнула она.

- Хорошо.

Он надел презерватив — ловко, привычно. Вошёл в неё, чувствуя, как она принимает его, как сжимается, как дышит. Теперь она знала, что такое оргазм. И он учил её получать его снова и снова.

Они «кувыркались» на сеновале каждый день. Он показывал ей, как можно по-разному, какие позы приносят больше удовольствия, как расслабляться и доверять. Учил как доставить мужчине наслаждение. Она училась быстро. Он сам удивлялся, как быстро.

- Ты хорошая ученица, — сказал он однажды, когда она лежала обессиленная, глядя в потолок.

- Ты хороший учитель, — ответила она.

Он усмехнулся. Поцеловал её в живот.

- Не влюбляйся в меня.

- А ты?

Он не ответил.

Он уже был влюблён. Но не признался бы никогда. Потому что знал: это ничем не кончится. У них разные дороги.

Ей нужен кто-то с МГИМО и квартирой в центре. Ему — корабль, автомат, горячие точки. И девушка, которая будет ждать. Или не ждать. Он ещё не решил.

Но когда она лежала на его плече, он смотрел на неё и думал: «Малыга, ты debil. Зачем ты это делаешь?» И сам себе не мог ответить.

Глава 4.

Две недели пролетели как один день. Он не спал третью ночь.

Лежал на кровати в своей комнате, смотрел в потолок и слушал, как за стеной тихо посапывает дед. Мысли лезли одна за другой, липкие, как смола. Он пытался их отогнать — не получалось.

Каждый раз, когда в клубе или на мосту у неё в руках появлялся этот чёрный прямоугольник — мобильный телефон, — Демид вздрагивал. Не от страха — от понимания. У большинства людей даже пейджеров не было. Его отец, мать, курсанты — никто не мог позволить себе такую роскошь. А у этой девчонки был личный сотовый. Этот сотовый звонил каждый вечер. Она отходила в сторону, шептала что-то в трубку, смеялась. А потом возвращалась, улыбалась ему, брала за руку. А он как последний идиот снова целовал её и тащил на сеновал. Он ненавидел себя за эту слабость.

И он ненавидел эти звонки. Ненавидел того, которого никогда не видел. Ненавидел себя за эту ненависть.

«Ты кто такой, Малыга? — спрашивал он себя. — Курсант. Стипендия — копейки. Родители в двушке. А у неё — отец-дипломат, мать-переводчица, московская квартира, дом в Подмосковье, этот долбанный телефон».

Он не мог обеспечить ей тот уровень жизни, к которому она привыкла. И никогда не сможет. Даже если станет генералом — это через двадцать лет. А ей двадцать лет ждать? Или она будет влачить с ним нищее офицерское существование, пока он не выслужится?

Он представил: она — в общежитии, у плиты, экономит на колбасе. А тот — в своем МГИМО, с перспективами, с родительскими связями. Водит её в рестораны, дарит цветы и драгоценности, не считает копейки.

И понял: он ей не нужен. Ей нужен кто-то, кто даст ей то, к чему она привыкла. Она сама так решит. Или её родители. Или жизнь.

А он — так, летнее приключение. Воспоминание, о котором она будет рассказывать подружкам за бокалом вина: «А у меня, девочки, было лето с курсантом. Красивый, страстный, но нищий. Ничего серьёзного».

Демид стиснул зубы.

«Лучше уйти самому. Вырвать, — сказал он себе. — Вырвать и не смотреть назад».

Он не пришёл в клуб на следующий день. И на следующий. И через день.

Ангелина ждала.

Сначала она не беспокоилась. Мало ли — дела, друзья, дед попросил помочь. Она пришла в клуб, села за столик у окна и смотрела на дверь.

Он не появился.

Она подождала до полуночи, потом ушла. Решила — завтра.

На третий день она не выдержала. Подошла к его дому, постояла у калитки, посмотрела на окна. Дверь открыла бабушка.

- Дёма уехал, — сказала она. — Сказал, дела в училище.

- А когда вернётся?

- Не знаю. Не сказал.

Ангелина кивнула. Улыбнулась. Поблагодарила. И пошла обратно, чувствуя, как внутри разрастается холодная, тяжёлая пустота.

Он уехал. Не попрощался. Не объяснил. Просто перестал приходить — и всё.

Она сидела на веранде, обхватив колени руками, и смотрела на дорогу. Внутри всё кипело — обида, злость, непонимание. И где-то глубоко, под этим, — надежда. Что это ошибка. Что он вернётся.

Но автобус привозил новых людей, а он не возвращался.

Через неделю бабушка заметила, что внучка плохо ест. Через две — что её тошнит по утрам.

- Геля, ты не заболела? — спросила Екатерина Алексеевна.

- Нет, ба. Просто устала.

Геля уехала в Москву.

Тошнота не прошла и на третьей неделе, Ангелина поняла. Села на край кровати, положила руку на низ живота и

закрыла глаза.

- Господи, — прошептала она. — Господи...

В аптеке она купила тест. Вернее она купила два — на всякий случай. Сделала, когда родители были на работе.

Две полоски. Яркие, чёткие, беспощадные.

Она смотрела на них и не могла дышать.

Кто отец? Марк? Или Демид?

С Марком было один раз. После выпускного. Он кончил в неё, даже не подумав. С Демидом — много раз, но он всегда выходил, всегда использовал презервативы.

Марк позвонил вечером. Она взяла трубку, сказала «алло» и замерла.

- Привет, зайка. Как дела?

- Нормально, — ответила она ровно.

- Я скучаю. Ты только не пропадай.

- Не пропаду.

Она сбросила звонок, убрала тест в ящик стола и легла на кровать. Смотрела в потолок и чувствовала, как внутри неё растёт что-то новое. Маленькое. Беспомощное. Такое же беспомощное, как она сама.

«Что я буду делать? — думала она. — Как я скажу родителям? Марку?»

Ответа не было.

Август догорал. Экзамены она провалила. Демид не объявился. Ангелина ждала. И боялась. И не знала, чего боится больше — того, что он не появится, или того, что позвонит

в дверь квартиры.

Глава 5.

Семейный совет собрали через два дня после того, как Ангелина призналась матери.

Она сидела на краю кровати, сжимая в руках тест, и смотрела в пол. Мать стояла у окна, бледная, сжав губы в тонкую нитку. Отец ходил по комнате, заложив руки за спину.

- Кто? — спросил Павел Петрович. Голос был тихим, но Ангелина знала — это страшнее крика.

Бабушка с дедушкой сидели помалкивали. Понимали — проглядели внучку.

- Марк, — ответила она.

Она не сомневалась. Не могло быть никого другого. Только Марк. Тот самый первый раз, когда было больно и неловко, когда он кончил в неё, даже не подумав о последствиях. Демид всегда был осторожен. Демид заботился.

Значит, Марк.

- Я позвоню Быстровым, — сказал отец. — Завтра встречаемся.

Мать заплакала.

Быстровы приехали к Усачёвым в тот же вечер. Сергей Павлович — крупный, громкий, с красным лицом, которое темнело, когда он злился. Его жена Людмила Борисовна — худощавая, с вечно встревоженными глазами.

Марк сидел рядом с отцом, бледный, но с поднятой головой.

Сергей Павлович не сдержался. Он вскочил с дивана, заходил по гостиной, размахивая руками.

- Я тебе что говорил? Что говорил?! — голос его гремел. — До свадьбы — не смей к ней прикасаться! А ты? Идиот! Кретин! Всё поломал! Мало тебе других девок?

- Папа, я её люблю, — сказал Марк. Голос его дрожал, но он держался. — И от ребёнка я не отказываюсь.

- А МГИМО? А карьера? Ты хоть представляешь, что будет?

- Геля поступит на следующий год, — сказал Марк. — А я сейчас пойду. Ребёнок не помешает.

Ангелина молчала.

Она сидела в углу дивана, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку. Всё уже решили без неё. Женитьба — да. Свадьба — пышная, чтобы закрыть рты. Ребёнок — рожать, куда деваться. О МГИМО придётся забыть. На следующий год — может быть. Или никогда.

Отец Марка прав. Во всём прав. Марк не думал о последствиях. И эти последствия уже росли в её животе.

А Демид... Демид был просто летом. Вспышкой. Ошибкой, о которой она старалась не думать. Он уехал, даже не попрощавшись. Значит, не нужна была. Значит, поиграл и бросил. А она, дура, поверила, что это что-то значит.

- Свадьбу играем через месяц, — сказал Сергей Павлович,

наконец успокаиваясь и садясь на место.

- Мы поможем, — тихо сказала мать Ангелины, вытирая глаза.

- Поможете, — кивнул Сергей Павлович. — Это ваш внук тоже.

Марк посмотрел на Ангелину. Попытался улыбнуться. Она не ответила.

Свадьбу играли в дорогом ресторане в центре Москвы.

Платье было пышным, с длинным шлейфом, фата — с кружевом по краю. Мать сказала: «Ты должна быть красивой». Ангелина смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Бледное лицо, синяки под глазами, губы, которые забыли, как улыбаться. Тошнота накатывала волнами, но она держалась.

Фата скрывала её бледность. Или ей так казалось.

Гости кричали «Горько». Марк целовал её, и в губы, и в щёки, и в плечо поверх кружева.

- Гелечка, малышка, потерпи, — шептал он. — Я понимаю, что тебя от всего тошнит, но надо. Здесь столько нужных людей.

Она кивала. Улыбалась. Сжимала в руке бокал с водой и считала минуты до того момента, когда можно будет уйти.

Отец Марка напился и плакал, обнимая её. Мать Марка сухо целовала в обе щёки. Свои родители держались, но глаза у матери были мокрыми. На бабушку с дедом она боялась смотреть. Боялась увидеть в их глазах догадку о её падении.

- Всё будет хорошо, дочка, — шептал отец, когда вёл её к машине. — Марк хороший парень. Он тебя любит. У него блестящее будущее. Он обещал. И ты получишь образование. Не переживай. Сейчас главное малыш.

- Я знаю, папа, — ответила она.

Марк будет любить. Марк будет заботиться. И ребёнок будет расти в полной семье, с отцом.

Ангелина села в свадебный лимузин, положила руку на живот и закрыла глаза.

Она думала о Демиде. О том, как он смотрел на неё на сеновале. О том, как шептал «моя». О том, как исчез, даже не попрощавшись.

Потом выкинула его из головы. Навсегда.

У неё теперь муж. И скоро будет ребёнок. И жизнь, которую ей расписали по полочкам. Без него. Без Демида.

Июль догорел. Август прошёл. Ангелина стала Быстрой. Внутри неё рос ребёнок, которого все считали наследником двух дипломатических династий.

Никто не знал правды. Правды о том, что её сердце, под которым растёт маленькая жизнь, отдано другому.

Глава 6.

Брачная ночь прошла не так, как у молодожёнов. И не так, как у пары, которая ждёт первого ребёнка. Скорее — как у тех, кто уже устал друг от друга, кто прожил вместе двадцать лет и потерял счёт ночам.

Марк зашёл в спальню, когда она уже лежала в кровати, отвернувшись к стене. Он разделся, лёг рядом, прижался к её спине. Она чувствовала его дыхание на шее, его руки, которые скользнули под край сорочки. Он был возбуждён — это чувствовалось даже через ткань.

- Геля, — прошептал он, целуя её в плечо.

Она закрыла глаза.

- Марк, пожалуйста, — сказала тихо. — Мне плохо. Не надо.

Он замер. Потом отодвинулся, молча встал и ушёл в ванную. Она слышала, как зашумела вода. Догадалась зачем.

Лежала на спине, смотрела в потолок и чувствовала, как внутри поднимается что-то липкое, тяжёлое. Не тошнота — хуже. Пустота.

Она не хотела его. Не этого. Не сейчас. Не здесь.

«Не тот, — стучало в голове. — Не тот тебя целует. Не тот прижимается. Не тот».

Ангелина зажмурилась, пытаясь выкинуть эту мысль. Она

не имела права так думать. Марк — её муж. Он любит. Он заботится. Он не бросил, когда узнал про ребёнка. А тот... тот просто исчез. И правильно сделал. Зачем ему женщина с чужим ребёнком.

Вода в ванной стихла. Марк вернулся, лёг на свою половину, даже не попытавшись снова прикоснуться.

- Спокойной ночи, — сказал он.

- Спокойной, — ответила она.

Семейная жизнь началась. И Ангелине хотелось выть.

Они жили с его родителями — в той самой огромной квартире в центре. У Быстровых была домработница, тётя Клава, которая приходила три раза в неделю. Невысокая, молчаливая женщина с вечно усталыми глазами. Она мыла полы, гладила бельё, готовила обед. Ангелина сначала пыталась помогать — свекровь её быстро отставила.

- Ты теперь наша надежда, — сказала Людмила Борисовна. — Носишь внука. Нечего тебе у плиты стоять.

Надежда. Ангелина повторяла это слово про себя и не могла понять, радоваться ей или плакать.

Свёкор ходил мрачный, иногда бросал короткие фразы про «молодёжь, которая не умеет отвечать за последствия». Свекровь суежилась, кормила, поила, вздыхала. Марк старался быть нежным, но его нежность была какой-то неуклюжей, будто он боялся сделать что-то не так.

Ангелина научилась притворяться. Сначала совсем немного — улыбаться за завтраком, говорить «спасибо, мне

хорошо», когда свёкор спрашивал, не нужно ли чего. Потом — больше. Целовать Марка в щёку перед сном, чтобы он не чувствовал себя отвергнутым. Не отворачиваться, когда он заходил в комнату. Ангелина старалась выполнять супружеские обязанности. Марк пыхтел, целовал её влажно и требовательно, а она старалась чтобы это не выглядело с её стороны брезгливо. Муж списывал всё на её беременность.

- Ты привыкнешь, — сказала ей однажды мать по телефону. — Все через это проходят. Первый год самый трудный.

Ангелина промолчала. Мать не знала, что она не просто привыкает к мужу. Она хоронит себя. Заживо.

Марк учился. Он приносил ей фрукты, которые она любила, включал те фильмы, которые она хотела посмотреть, массировал ноги, когда они отекали. Целовал в лоб на ночь и отворачивался к стене, когда она ему отказывала.

- Я потерплю, — сказал он однажды. — Ты только мне не отказывай постоянно. Родится ребёнок — и всё наладится.

Она кивнула. Потому что должна была.

Живот рос. Ангелина ходила в женскую консультацию, сдавала анализы, слушала, как бьётся сердце маленького человечка внутри неё. И каждый раз, когда врач говорил «всё в порядке», она чувствовала облегчение. Не за себя — за него.

Беременность протекала трудно. Токсикоз не проходил до шестого месяца, потом начались отёки, потом поднялось давление. Врачи говорили: «Успокойтесь, меньше нервничайте». Она не нервничала. Она просто жила. И этого было

достаточно, чтобы организм бунтовал.

Марк возил её на обследования, держал за руку в очередях, покупал лекарства. Свёкор ворчал, что «было время, рожали в поле и ничего». Свекровь молчала и покупала малышу всё необходимое. Тётя Клава вздыхала и приносила ей настои трав.

В первых числах апреля, когда за окном ещё лежал снег, а по карнизу стучала капель, Ангелина родила.

Это было тяжело. Долго. С кровотечением, с криком, который она не могла сдержать, с минутами, когда казалось, что всё закончится и не начнётся заново.

А потом она услышала его. Плач. Громкий, требовательный, живой.

- Мальчик, — сказала акушерка. — Здоровый. Три двести.

Ей положили на грудь маленькое красное существо с тёмными волосиками и голубыми глазами — пока голубыми, как у неё. Гриша. Она назвала его так заранее, не спрашивая Марка. Просто решила.

Марк забежал в палату, когда всё кончилось. Светился. Целовал её руки, её лоб, её мокрые от слёз щёки.

- Спасибо, — говорил он. — Спасибо, Геля. Ты меня сделала самым счастливым.

Ангелина смотрела на сына. На его крошечные пальцы, которые сжимали её палец. На его лицо, в котором она не видела ни Марка, ни себя — только его, нового человека,

маленькое чудо.

И поняла: это маленькое беззащитное существо будет для неё единственным любимым мужчиной. Навсегда.

- Гриша, — прошептала она. — Здравствуй.

Марк стоял рядом, сияющий, и не знал, что она сейчас не с ним. Что все её мысли — о сыне. Что ради этого крошечного комочка она научится быть женой для его папы Марка. Научится не выть по ночам. Научится улыбаться, когда хочется плакать.

Она посмотрела на мужа. На его счастливое лицо. На его руки, которые уже тянулись к сыну.

- Он похож на тебя, — сказала Ангелина.

Марк просиял ещё ярче.

- Правда? А мне кажется — на тебя. Глаза твои.

Она не стала спорить.

Глаза у Гриши были голубые — такие же, как у неё. Темные волосы. В Марка.

Ангелина закрыла глаза. У неё теперь была новая жизнь. И в этой жизни не было места ни прошлому, ни сожалениям, ни тому, кто исчез однажды, не попрощавшись.

Только Гриша. Только Марк. Только семья, которую она должна была сохранить любой ценой.

Глава 7.

Гриша рос крепким малышом. Сосал усердно, по часу, не отпуская мамину грудь. Ангелина кормила его сама — ни тётя Клава, ни свекровь, ни мать, которая приезжала по выходным, не могли его успокоить, когда он требовал маму.

- Весь в тебя, — говорила Людмила Борисовна, качая головой. — Такой же упрямый.

Марк перешёл на второй курс МГИМО. Первый закончил хорошо, без троек, но без отличия. Отец ворчал: «Мог бы и лучше». Марк отмалчивался и по вечерам сидел с Гришей, пока Ангелина готовилась к вступительным экзаменам.

Она поступила в МГЛУ — на переводческий факультет. Марк хотел, чтобы они учились вместе, но Ангелина настаивала на своём.

- Нам нужен свой путь, — сказала она. — Папы вечно нас содержать не будут.

Марк обиделся, но спорить не стал.

Учиться было тяжело — маленький ребёнок, домашние дела, вечные поездки. Но Ангелина справлялась. Няnek было много: тётя Клава, свекровь в свободное время, мать по выходным, иногда даже свёкор, который ворчал, но внука любил. Гриша не капризничал, когда его оставляли с ними, но стоило маме войти в дверь, он тянул к ней ручки, кричал

«ма-ма» — и это слово рвало сердце. Казалось, он любит её больше всех на свете. А она души не чаяла в своём сыне. Ангелина держалась за эту любовь. Когда ночью Гриша плакал, она вставала первая, не дожидаясь нянек. Когда он болел, сидела над ним, не смыкая глаз. Когда он делал первые шаги, бежала за ним, боясь, что упадёт.

Марк смотрел на это и улыбался.

- Ты хорошая мать, — сказал он однажды.

- Я стараюсь, — ответила она.

Семь лет пролетели как один долгий, утомительный день. Ангелина научилась быть женой во всех смыслах. Она делила с мужем супружескую постель — без страсти, без нежности, без того огня, который однажды испытала на сеновале. Но Марк не жаловался. Он был доволен. Он говорил: «У нас хорошая семья». И Ангелина кивала.

Нет того, что она чувствовала с Демидом, не было и не могло быть. Повзрослевшая Ангелина понимала: то лето должно остаться для неё в памяти, как красивый сон. Не быть, не жизнь, а сон. Она почти поверила в это. Почти.

Иногда, когда Марк засыпал, а она лежала с открытыми глазами, перед ней вставало лицо Демида. Его серые глаза, его усмешка, его сильные руки, которые гладили её тело. Она зажимивалась, прогоняла видение, поворачивалась на бок и заставляла себя спать.

Поработав немного в МИДе, Марк получил назначение. Быстров-старший подключил нужные связи.

- Едем в Вену, — сказал Марк, сияя. — Геля, ты представляешь? Вена! Я буду работать в посольстве. А ты будешь преподавать английский детям наших дипломатов. Как тебе?

Ангелина смотрела на него. На его счастливое лицо. На его глаза, которые блестели от гордости.

- Хорошо, — сказала она. — Когда?

- Через три месяца.

Грише тогда было ещё шесть. Осенью он должен был пойти в первый класс московской школы, но теперь это будет в другой стране, в школе при посольстве.

Ангелина сидела на кухне, пила чай и смотрела в окно. За стеклом шумела Москва — её город, её прошлое, её жизнь, которую она строила из обломков того лета.

«Вена, — думала она. — Новая страна. Новая жизнь. Может быть, там я наконец забуду».

Она посмотрела на Гришу, который рисовал за столом. Мальчик был похож на неё — голубоглазый, с тонкими чертами лица, только волосы темнее.

А вот характером был сам в себя. В нём не было покладистости ни Ангелины, ни Марка. Если он считал, что что-то не по нему, упирался. Но на удивление — истерик не закатывал, а старался отстоять свою позицию, объяснить зачем и почему.

- Мам, а в Вене есть зоопарк? — спросил Гриша.

- Есть, — ответила она. — Мы сходим.

Марк вошёл на кухню, обнял её за плечи, поцеловал в ви-

сок.

- Всё будет хорошо, Геля. Ты увидишь.

Она кивнула.

Вена ждала. А прошлое оставалось в Москве — в подмосковном посёлке, на сеновале, в серых глазах человека, которого она больше никогда не увидит. И не хотела. Или хотела, но не признавалась себе.

Через три месяца они уехали.

Гриша спал в кресле самолёта. Марк листал бумаги, готовился к новой должности. Ангелина смотрела в иллюминатор, на облака, на уходящую вниз землю.

- Прощай, — сказала она беззвучно.

И отвернулась от окна.

Глава 8.

Демид вернулся в училище в конце августа. Загорелый, злой, молчаливый. Позади была Москва, родительская квартира и хороший трах с девушками, у которых он даже не спрашивал имён.

Сосед по кубрику Колян, спросил:

- Ты чего, Малыга? Дома что?

- Всё нормально, — ответил Демид и отвернулся к стене.

Нормально не было. Он сам не знал, что с ним. В груди — пустота. Перед глазами — её лицо. В ушах — её смех. Он гнал эти мысли, загружал себя учёбой, нормативами, бегом до седьмого пота. Не помогало.

Курсанты поглядывали на него, перешёптывались.

- Малыга после отпуска приехал сам не свой, — сказал как-то Колян за ужином.

- Может, девка бросила? — предположил Витёк, который всегда лез не в своё дело.

- Да у него этих девок – пруд пруди. Они ему, сам знаешь для чего нужны, – бросил Кирюха, который по натуре был молчуном.

- Может заприметил кого, — хмыкнул Колян. — И не вышло.

- А нам сейчас никому не нужно, чтобы выходило. Успеем

ещё посадить себе на шею упругую задницу, — мудро подметил тот же Кирюха.

Демид слышал. Молчал. Не объяснять же им, что он, Малыгин, дурак, влюбился в девчонку, у которой жизнь по полочкам, а он — курсант с дырявыми карманами. И что он у неё был не первый. И что это бесит. Она слишком легко отдалась ему. Не такой должна быть кандидатка в жёны офицеру. И что он всё равно по ней сохнет, как последний идиот.

За год учёбы ни одна девушка не заменила ему Ангелину. Он пробовал. Выходил в увольнения, ходил в клубы, танцевал с кем попало. И в койку заваливал. Ничего. Пусто. Её глаза, её губы, её запах — всё стояло перед глазами.

Он стал жёстче. Резче. Бескомпромисснее. На занятиях по рукопашному бою клал парней на лопатки, не жалея. На построении он как старшина, требовал от своей группы невозможного. Командир сначала косился, потом сказал:

- Малыгин, ты бы полегче. Они ж не враги.

- Они должны быть готовы к врагу, — ответил Демид.

Командир вздохнул, но спорить не стал.

Те ребята, с которыми он дружил, пытались выяснить причину перемен. Колян подходил, садился рядом, вздыхал.

- Малыга, ты скажи. Может, помочь надо?

- Не надо.

- Кремень, — усмехнулся Колян. — Ну и ладно.

Поняли: не скажет.

Весной, когда зацвела сирень, Демид поймал себя на мыс-

ли, что считает дни до отпуска. Не до выпуска, не до лейтенантских погон — до лета. До того, чтобы снова приехать в посёлок, подойти к её дому, увидеть её. Может, она простит. Может, всё объяснит. Может, они начнут сначала.

Он не спрашивал себя, что будет дальше. Как он, курсант без гроша, сможет дать ей то, к чему она привыкла. Просто хотел увидеть. А вдруг он неправ?

В отпуске он рванул к деду с бабушкой, не дожидаясь попутчиков. Ехал и не чувствовал усталости. Внутри горело — надежда, глупая, бесполезная, но живучая.

Посёлок встретил его запахом пыли и травы. Он не пошёл к деду — сначала к соседнему дому. К калитке. К крыльцу. Дом был на замке.

Ставни закрыты. Забор покрашен, но трава под ним выгорела, некошенная. Никто не откроет дверь, никто не выглянет на стук.

Он постоял минуту, потом развернулся и пошёл к деду.

Бабушка встретила на крыльце, обняла, поцеловала. Дед хлопнул по плечу, молча, по-своему. За ужином Демид спросил как бы между прочим:

- А соседи? Усачёвы? Не приезжали?

Бабушка вздохнула. Дед крякнул, поднялся из-за стола и вышел на веранду — курить. Оставил их вдвоём.

- Дёма, — сказала бабушка тихо, — я тебя предупреждала. Не твоя она была честь. А ты не послушал. Мы хоть и старые, а ведь всё просекли про тебя прошлый год.

- Бабуль, что случилось?

- Ангелина вышла замуж, — сказала старуха, глядя в окно. — Ещё осенью. А весной... — она запнулась, но Демид понял.

- Ребёнок, — сказал он.

- Ребёнок. Мальчик. Сын. — Бабушка взяла его за руку. — Сюда они никто не ездят. Дом пустует. И не приедут уже, наверное. Ты забудь, Дёма. Забудь и не мучай себя. У тебя вся жизнь впереди. А она счастлива.

Он не ответил. Сидел, смотрел в тарелку, сжимал вилку так, что пальцы побелели.

- Забудь, — повторила бабушка.

Он кивнул.

И забыл.

Думал, что забыл.

Он закончил учёбу в числе лучших. Лейтенантские погоны получил на плацу, перед строем. Дед приехал, стоял в первом ряду, не улыбался, но глаза блестели. Мать плакала. Отец пожал руку.

- Молодец, — сказал он коротко.

Демид распределился в морскую пехоту — как мечтал. Корабли, полигоны, учебные тревоги, базы дислокации на береговой части. Он втягивался быстро, командование замечало. В первом же учебном походе командир сказал:

- Малыгин, из тебя толк выйдет. Ты жёсткий, но справедливый. Солдаты за таким пойдут.

- Спасибо, товарищ майор., — ответил Демид.

Он не думал о ней. Загружал себя так, чтобы не оставалось времени ни на что. Служба, боевые задачи, люди, которых он должен был вести за собой. Он учил их выживать, учил не бояться, учил быть мужчинами. Сам был примером — резким, собранным, безжалостным к слабости.

Впереди были годы. Горячие точки. Командировки, о которых не говорят вслух. И жизнь, в которой не было места прошлому.

Но иногда, перед сном, когда тело уже не слушалось, а мысли текли медленно и тяжело, перед ним вставало её лицо. Голубые глаза, русые волосы, усмешка. Он зажмуривался, переворачивался на живот и засыпал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.